

Вэй Цин смотрел на Лю Че, и его глаза сияли странным, небывалым блеском. Опустив голову, он произнес:

— Слушаюсь, ваш покорный слуга будет помнить об этом.

Лю Че весело рассмеялся, схватил его за руку и притянул к себе...

Неизвестно, когда именно начался дождь — мелкий, морсящий.

На рассвете из задних ворот поместья Вэй выехала карета и тихо скрылась. Вэй Цин нашел Жуйюй в цветочной беседе и увидел, что ее округлое лицо словно тоже окроплено дождевыми каплями.

Сердце Вэй Цина сжалось от жгучей боли: разве мог он не понимать всю горечь и обиду Жуйюй? Но Лю Че — Сын Неба, и этот особняк, и слуги, и эти официальные должности вместе с почестями — под небесами нет ничего, что не принадлежало бы Лю Че. Куда бы он ни пожелал, Лю Че мог приходить и уходить свободно; даже если он без предупреждения заходил в личные покои своего подданного, никто не смел его упрекнуть.

Вэй Цин крепко обнял ее, прижимая к груди, полный глубочайшего раскаяния, но мог лишь запрокинуть голову и тяжело вздохнуть.

Неужели в этом мире действительно не было уголка, принадлежавшего лично Вэй Цину? Места, где он мог бы защитить свою жену, своих детей, своих родных, друзей и братьев...

Глядя на угрюмого Вэй Цина, Хо Цюйбин страшно тревожился: неужели дядя с императором до сих пор ссорятся из-за дела об истреблении семьи Го в Гуаньчэ? Дядя и император всегда были очень близки, и единственный раз, когда между ними пробежала кошка, был связан именно с тем случаем. Никаких других причин для ссор он придумать просто не мог.

Нужно было что-то придумать, чтобы развеять дядю — непрерывные мысли о неприятном ни к чему хорошему для здоровья не приведут. Какой же предлог найти? Точно! Говорят, на этот раз среди отобранных кандидатов на должность сяолян произошла забавная история: новоиспеченного сяоляня Ван Гуанли кто-то анонимно обвинил в том, что на самом деле его зовут Ли Гуанли и он происходит вовсе не из крестьянской семьи, а из семьи содержателей публичного дома, являясь братом Ли Яньняня из музыкальной павильона Санчуньхуэй. В итоге его лишили ученой степени и вернули в сословие блудниц. Очень занятно, пойдем-ка поглазеим на это зрелище!

Вэй Цин мог лишь с улыбкой согласиться на настойчивое, привязчивое приглашение Хо Цюйбина посмотреть на диковинку, причем племянник намеренно интриговал, утверждая, что всё станет понятно на месте.

Прогуляться и правда не помешало бы. Возвращаться в тот дом не хотелось совершенно...

В последующие дни вести о Вэй Цине, долетавшие до слуха Цао Сяна, заставили его выронить из рук фрукт, который он как раз надкусывал. Вэй Цин? Больше десяти дней подряд бегают в какой-то музыкальный павильон под названием Санчуньхуэй? Ради того чтобы добиться аудиенции у некоего певца по имени Ли Яньнянь? Проводит там по несколько часов ежедневно? И приносит подарки, с каждым днем все более дорогие?

Разве мог тот самый Вэй Цин заниматься подобным? На такое был способен скорее какой-нибудь Лю Че...

Следующие новости полностью оправдали ожидания Цао Сяна: Лю Че вмешался в дело, забрал певца по имени Ли Яньнянь во внутренний дворец и сделал его одним из своих многочисленных фаворитов-юнцов. Вэй Цин же выкупил брата-близнеца Ли Яньняня по имени Ли Гуанли, привел в свое поместье, выписал ему военное предписание и зачислил в свои личные телохранители.

Цао Сян чувствовал, что теряет рассудок: неужели человек, способный соперничать из-за ревности и увиваться по сомнительным местам подобно какому-то избалованному мажору, — это действительно тот самый Вэй Цин, которого он знал?

Придя во дворец с утренним визитом, Цао Сян издалека заметил Ли Яньняня: тот и впрямь оказался писаным красавцем, вот только его глаза, источавшие ослепительный блеск, выдавали безграничную жадность и скрытую насмешку над окружающими. Как такой человек мог стать яблоком раздора между Лю Че и Вэй Цином?

Когда госпожа Жуйюй родила Вэй Цину третьего сына, Вэй Дэна, Цао Сян пришел в дом Вэй Цина с поздравлениями и там увидел брата-близнеца Ли Яньняня — Ли Гуанли. Те же черты лица, та же фигура, но манеры и характер совершенно иные. Выражение лица Ли Гуанли заставило Цао Сяна вспомнить Вэй Цина десятилетней давности, однако при ближайшем рассмотрении Ли Гуанли сильно проигрывал тому Вэй Цину: от него веяло какой-то книжной заумью, простоватой олуховатостью — где уж ему тянуть хотя бы на одну десятитысячную долю Вэй Цина!

На этот пир были приглашены лишь самые близкие сподвижники и верные друзья Вэй Цина, все друг друга хорошо знали. Сначала Цао Сян только и делал, что выискивал глазами Ли Гуанли, не обращая внимания ни на что другое, но стоило ему расслабиться, как боковой зрением уловило фигуру, от которой у Цао Сяна на мгновение замерло сердце.

Хань Янь?

Успокоив нервы и взглядевшись внимательнее, Цао Сян понял, что этот человек лишь на шесть десятых похож на Хань Яня. Хань Янь давным-давно сгинул под террасой дворца Вэйян, превратившись в прах, как он мог преспокойно объявиться здесь? Надо полагать, это был тот самый человек из легенд...

Подумав об этом, Цао Сян подошел поприветствовать его:

— Командир Хань.

Тот ответил поклоном:

— Маркиз Пинъян.

Прекрасное лицо было опущено, взгляд — покорным и кротким. В памяти Цао Сяна тот заносчивый Хань Янь никогда и ни за что не принял бы подобный вид.

— Командир Хань в юные годы проявил воинскую доблесть и выдающиеся способности, ходил в походы вместе с главнокомандующим и стяжал великую славу. Просто нельзя не восхищаться.

Цао Сян бросил дежурную любезность. Собеседник держался безупречно, от начала и до конца проявляя скромность и учтивость. Мягкий и кроткий нрав, тихий, вкрадчивый голос в сочетании с миловидным лицом, на шесть-семь частей напоминавшим Хань Яня, производили очень приятное впечатление. Совсем как Вэй Цин: даже если из-за слухов у кого-то и складывалось о нем превратное мнение, при личной встрече ненавидеть его становилось решительно невозможно.

Это было заложено от природы или перенято у самого Вэй Цина? Цао Сян не знал; он понимал лишь одно: для младшего брата «любимчика» способность вести себя подобным образом была величайшей удачей.

Цао Сян помнил, что после смерти Хань Яня Лю Че некоторое время баловал Хань Шо, сделав его заменой погибшего фаворита, но вскоре охладел и переключил всё внимание на Вэй Цина. При этой мысли Цао Сян вновь почувствовал беспричинную гордость: разве мог талант Вэй Цина сравниться с достижениями каких-то случайных людей? Как воину, Хань Шо было далеко до выдающихся успехов; не будь Хань Яня, Лю Че не стал бы приближать его, а не будь Вэй Цина, пожалуй, никто и не узнал бы о существовании такого военачальника.

Они перекидывались незначительными фразами, в то время как гости на пиру уже вовсю чокались кубками, не стесняясь никого, спаивали друг друга, а некоторые, разогретые хмелем, даже поснимали одежды и принялись сойтись в рукопашной. Напившиеся до кондиции гости подбежали к ним, забирая кувшины с вином и заявляя, что не выпить — значит не быть настоящим мужиком. Цао Сян бывал в военных лагерях Вэй Цина, где царила суровая атмосфера и железная дисциплина, — откуда ему было знать такие порядки? Застигнутый врасплох, он с непривычки сделал несколько больших глотков и зашелся в кашле.

Друзья Вэй Цина — его собственные друзья, с ними следовало держать себя попроще, подумал Цао Сян и, забыв о знатности, принялся наперегонки пить с ними вино из больших чаш. Хань Шо лишь улыбался, наблюдая за ним, и пригублять вино маленькими глотками.

Когда лицо и глаза Цао Сяна покраснели от хмеля и он, вывалившись из толпы, плашмя рухнул на землю, Хань Шо подошел к нему, подтолкнул к носу сломанное перо стрелы и произнес:

— Знакомо ли это маркизу Пинъяну?

Цао Сян поднял ее, прищурился, пьяно оглядывая находку, и выдал заплетающимся языком:

— Это хуннская стрела.

Хань Шо кивнул, взял другой кувшин, открыл крышку и протянул Цао Сяну:

— Прощу маркиза Пинъяна понюхать.

Цао Сян взял его, поднес к носу, принялся и изрек:

— Хорошее вино, неплохое!

— Это вино предназначалось генералу Вэй, но его отравили.

Цао Сян тут же вытаращил глаза, а Хань Шо вздохнул:

— В походах и дальних странствиях хунны проявляют жестокость и коварство; все видят лишь блеск триумфального возвращения, но не знают, через какие лишения и смертельные опасности приходится пройти. И дома не обрести покоя, вечно нужно остерегаться вражеских ядов. Как же хорошо, что генерал Вэй остался невредим...

Последнее слово Хань Шо еще звучало на губах, а Цао Сян уже вскочил на ноги и зашатался прочь. Вэй Цин как раз беседовал с Гунсунь Ао, когда на него неожиданно налетел человек, едва не сбив с ног. Испуганный Вэй Цин взгляделся и признал в нем Цао Сяна.

— Я хочу в армию! — Цао Сян вцепился в Вэй Цина и процедил сквозь зубы эти слова с жуткой злостью.

— А?

— Я хочу в армию! Выпиши мне военное предписание!

— Маркиз Пинъян перепил, — с улыбкой произнес Вэй Цин. По одному его виду было понятно, что выпито немало.

Но Цао Сян не отставал:

— Ты смог выписать военное предписание Ли Гуанли и взял в поход Хань Шо, неужели не можешь отправить в армию меня? Я требую отправить меня в армию!

Вэй Цин горько улыбнулся, покачал головой и велел проводить Цао Сяна отдохнуть, но тот наотрез отказался разжимать руки. Делать было нечего, и Вэй Цин сам повел его провожать.

Гунсунь Ао провожал их взглядом, и на душе, и на языке у него было горько.

Человек, которого он собирался защищать, больше не был тем плачущим у него на груди мальчишкой. Дети рано или поздно вырастают, но он и представить не мог, что тот взлетит так высоко. Вэй Цин взлетел выше и дальше, чем он мог вообразить. Слишком быстро и слишком высоко, оставив ему лишь возможность смотреть на свою удаляющуюся спину и безнадежно отставать.

Цао Сян шел шатаясь и бормотал себе под нос:

— Я должен в армию... убивать хуннов... — Он ухватился за Вэй Цина. — Вэй Цин, Вэй Цин, мы же друзья, да? Желаящих навредить тебе слишком много, а ты совсем не умеешь о себе заботиться. Если я пойду в армию, то смогу как следует защищать тебя...

Вэй Цин улыбнулся:

— Да-да-да, премного благодарен за доброту маркиза Пинъяна.

Хань Шо смотрел им вслед с полуулыбкой.

Фейерверки отгремели, поднимается синеватый туман...

Вскоре этот разговор дошел и до слуха Лю Че.

Срочно вызвав к себе Вэй Цина, Лю Че произнес:

— Вы с Цао Сяном в последнее время подозрительно сблизились. Если уж хотите излить друг другу душу, выбирайте, пожалуйста, подходящее место. С какой стати Цао Сяну вести задушевные беседы с Вэй Цином в особняке, пожалованном императором? Он ненавидел этого сваху всей душой за излишнюю заботу!

Если бы не вмешательство вдовствующей императрицы, он бы вообще не стал никак реагировать на появление Чжэн Жуйюй. И даже с ее благословения он никогда бы не признал

никого другого законной супругой Вэй Цина, в худшем случае согласившись считать Жуйюй лишь наложницей.

Вэй Цин похолодал лицом и ответил:

— Ваш подданный не смеет нарушать императорские приказы, но и правила приличия нарушать не осмелится.

Вэй Цина охватило странное чувство гнева и горечи: оказывается, вся его жизнь находилась под полным контролем Лю Че, даже в его собственном доме; Лю Че мог врываться сюда когда угодно, выгонять Жуйюй среди ночи на улицу и точно знать, с кем, когда и о чем он беседовал.

Лицо Лю Че вытянулось: что это за ответ такой! Разве я не предупреждал тебя заранее держаться от него подальше? И теперь, когда я спрашиваю, ты еще и огрызаешься? И он нарочито поинтересовался:

— О? И о чем же вы так чинно беседовали, соблюдая все приличия?

Не выказав и тени дурных эмоций, Вэй Цин с улыбкой ответил:

— У моего сына исполнилось сто дней со дня рождения, мы выпили по чарке с друзьями, и маркиз Пинъян просто перебрал лишнего.

Лицо Лю Че вытянулось еще сильнее: он-то знал, что на пиру присутствовали лишь самые близкие люди Вэй Цина — с каких это пор Цао Сян затесался в их число? Какие тайные связи завязались между ними за его спиной?

Тут он услышал слова Вэй Цина:

— Перебрав лишнего, он неизменно распустил язык. Судя по словам маркиза Пинъяна, он выражает желание служить в армии. Государь, сейчас князя Хуайнаньский и Хэншаньский ведут себя беспокойно, что думает Ваше Величество о том, что маркиз изъявил такое желание именно в такую пору?

Стоило Вэй Цину заговорить об этом, как Лю Че тут же погрузился в раздумья: Цао Сян — потомок заслуженного сподвижника, вполне подходящая кандидатура из числа выдающейся и талантливой молодежи...

Тщательно всё обдумав, они в конце концов утвердили воинскую должность для Цао Сяна.

Когда Вэй Цин удалился, Лю Че отправился переодеваться в полном удовлетворении, но на середине облачения вдруг вспомнил: он ведь вызвал Вэй Цина, чтобы отчитать его, с какой

стали они перешли к обсуждению государственных дел? И тем не менее нельзя было отрицать — возможно, всё дело было в том, что ему просто хотелось побыть с Вэй Цинем в тишине, послушать его спокойные, взвешенные рассуждения и рассказы.

О покушении он уже слышал; Вэй Цин был самым надежным и ценным помощником Лю Че, а поскольку Хуайнаньский и Хэншаньский князья вынашивали преступные замыслы, они неминуемо должны были нацелиться на него. Этот упрямец, столкнувшись с опасностью, даже не подумал посоветоваться или предупредить его. Ладно, раз не сказал — так не сказал, но приставить к нему людей для тайной охраны исподтишка было вполне можно.

Весной пятого года Юаньшо Лю Че приказал главнокомандующему Вэй Цину во главе трех тысяч конницы выступить из Гаоцзюэ; военачальнику Су Цзяню — выступить в роли подвижного военачальника, цзо-нэйши Ли Цзюй выступил в роли военачальника мощных арбалетов, великому конюшему Гунсунь Хэ — военачальником конницы, а кнехтускому удельному фавориту Ли Цаю — легким колесничным военачальником. Все они подчинялись главнокомандующему Вэй Цину и выступали единым походом из Шуофана; кроме того, великому распорядителю Ли Си и маркизу Аньтоу Чжан Цзыгуну было приказано выступить военачальниками из Юйбэйпина для нового похода на хуннский каганат.

В этой кампании армия Великой Хань захватила в плен свыше десятка мелких хуннских вассальных правителей, около пятнадцати тысяч простолюдинов обоего пола и многотысячные стада скота. Когда весть об этом достигла столицы, при дворе, разумеется, воцарилось всеобщее ликование. Ведя за собой победоносное войско, Вэй Цин возвращался домой и на границе встретил посланника от Лю Че. Посланник привез печать Великого сыма и главнокомандующего, а также волю Лю Че. Получив печать великого сыма и главнокомандующего, Вэй Цин поспешил с победным войском в столицу, но первым делом, даже не заглянув домой, отправился во дворец — докладывать о выполнении приказа и благодарить за милость.

Награждения подчиненных за заслуги мы касаться не будем, сам же Вэй Цин получил в прибавку к своим владениям еще шесть тысяч дворов, старший сын Вэй Кан был пожалован титулом маркиза Ичунь, второй сын Вэй Буи — маркизом Иньянь, а третий сын, Вэй Дэн, находившийся еще на грудном вскармливании, — маркизом Фагань. Щедрое дары поражали воображение: испытывая удивление, Вэй Цин в то же время ощущал горечь. Таким образом Лю Че публично заявлял о своем особом расположении к роду Вэй и одновременно в очередной раз подчеркивал статус Жуйюй как простой наложницы. Он упорно отказывался признавать Жуйюй законной женой Вэй Цина, предпочитая даровать титул старшему сыну Вэй Кан напрямую, лишь бы не признавать того законным первородным сыном, имеющим право на наследование его титула.

Зачитывание указа продолжалось, и когда прозвучали слова: посмертно пожаловать покойной супруге госпоже Чжэн титул... — Лю Че заметил, как Вэй Цин резко вскинул голову, а его лицо и глаза выразили потрясение! Ну разумеется, эта награда пришлась ему по душе? Настоящий сюрприз!

Восседающая на троне, Лю Че с улыбкой глядел на него и произнес:

— У Жуйюй после родов случился сбой в организме, Я направил к ней лучших врачей, но, увы, спасти ее не удалось. Ваш сын еще мал, поэтому я велел забрать его во дворец, где его будет воспитывать сама императрица, а лучших наставников для него я выберу лично...

Про себя он гордился: видать, у Жуйюй просто не было судьбы познать богатство и знатность, раз уж он направил лучших имперских врачей, а спасти ее так и не вышло — разве это не воля небес?

Но почему же выражение лица Вэй Цина становилось все мертвенно-бледным, а в его глазах читались такая ярость и ненависть, что они заставляли вспомнить описанные в древних книгах извержения вулканов? Ну умерла она от послеродового расстройства, он же проявил величайшую милость, осыпав его столь щедрыми дарами, чего же Вэй Цин был недоволен? Почему он смотрел на него таким взглядом? Взгляд этот был точь-в-точь как у того, кто смотрит на злодея. Неужели он подозревал, что это он приложил руку к гибели Жуйюй? Да у этой девчонки здоровье было слабее некуда, разве для этого требовалось чье-то стороннее вмешательство? Нелепость какая-то!

Церемония награждения завершилась, и Вэй Цин напрямик направился к дворцовым воротам, отклонив даже праздничный банкет в честь своего возвращения. На душе у Лю Че было паршиво, с примесью сильнейшего раздражения: ему казалось, что его записали в злодеи. Раз Жуйюй умерла, неужели ему и улыбнуться теперь нельзя? Не он же уморил Жуйюй, раз небеса пожелали ее смерти, что он мог поделать? К тому же, честно говоря, ее смерть его безумно обрадовала! Разве нельзя?

Неужели из страха быть неправильно понятым он должен был перестать улыбаться? А вот и будет улыбаться! Ха-ха-ха-ха-ха!

...Честно говоря, в этом заключался главный недостаток Вэй Цина: он, конечно, человек добрый и основательный, но порой от него веяло такой угрюмостью, что постичь его мысли было невозможно. По сравнению с ним прямолинейный, открытый юношеский нрав Хо Цюйбина казался несравненно более милым.

Когда все сановники собрались в зале Циньлинь праздновать эту великую победу, Лю Че поднял чашу за здоровье Хо Цюйбина. Обладавшие острым умом и проницательностью чиновники тут же последовали его примеру, наперебой предлагая тосты, и Хо Цюйбину оставалось лишь принимать их все подряд, осушая чашу за чашей без перерыва. Людя на открытую улыбку юноши и его молодецкую удаль в питье, Лю Че улыбался: с десятков лет назад Вансунь точно так же пил вино...

Выпив около сотни чаш, сколь бы железной ни была выносливость, невозможно устоять перед такой круговой осадой, и Хо Цюйбин опьянел вдрызг, свалившись прямо за столом, откуда его отнесли в комнату отдохнуть. Ли Яньнянь доложил императору, что юноша, кажется, сильно мучается, и Лю Че пошел проведать его, но застал лишь крепко спящего парня. Внезапно ему показалось, что перед ним Вансунь — перебравший лишнего Вансунь, такой же грациозно валившийся с ног, с умиленно пьяным выражением лица. Лю Че неудержимо потянулся вперед, легонько касаясь его, словно оглаживая саму память. Те весенние дни юности, когда

ему было под двадцать, и блистательные юноши рядом с ним — все они канули в лету безвозвратно...

Понимающие слуги бесшумно удалились, притворив двери и оставшись караулить снаружи.

В глазах Вэй Цина стояли лишь белые полотна траурных тканей — вокруг было море белизны. Лю Че посмертно даровал ей титул, но разве могло это что-то исправить?

Вэй Цин все еще помнил день рождения ребенка: усевшись с младенцем на руках у постели, он тогда произнес:

— Жуйюй, ты натерпелась.

Лежавшая в постели женщина медленно покачала головой, ее слабая улыбка светилась умиротворением. Вэй Цин осторожно коснулся губами детской щечки:

— Дэнэр, наш маленький Дэнэр.

Подошедший издалека Цао Сян увидел одиноко стоящего перед траурным залом Вэй Цина, и от этого зрелища сердце его болезненно сжалось, ухнув куда-то вниз. Подойдя к нему, Цао Сян тяжело вздохнул и тихо прочел:

— Сей муж силою горы сдвигал, обладал властным духом лихим. Неудача в делах настигла коня, уберечься от рока нет сил. Как теперь уберечь коня? О моя Юй, о моя Юй, что же делать с тобою теперь?

Великий владыка Сян Юй мог лишь беспомощно смотреть, как угасает любимая женщина, будучи не в силах изменить судьбу.

Цао Сян и сам не знал, читает ли он это ради Вэй Цина или ради себя самого. Вэй Цин смотрел перед собой на алтарь Жуйюй, а он смотрел на самого Вэй Цина.

Видя, как Вэй Цин с мучительной болью закрывает глаза, Цао Сян произнес:

— Смерть вашей супруги выглядит крайне подозрительно. Ребенок еще не дожил до года, а она вдруг скончалась, и все эти разговоры про послеродовое расстройство звучат притянутыми за уши. К тому же все произошло именно тогда, когда маркиз Чанпин отсутствовал в столице. Быть может, за этим кроется нечто большее... Разве маркиз Чанпин не собирается как следует во всем разобраться?

Услышав это, брови Вэй Цина дрогнули, он открыл глаза, помедлил немного и медленно повернулся к Цао Сяну:

— Жуйюй была слабой женщиной, за порог дома не выходила, ни с кем не соперничала. Неужели кто-то мог намеренно желать ей зла?

— Кому мешало существование вашей жены? В чьих глазах эта слабая женщина оказалась бельмом на глазу? — произнес Цао Сян. — Кто радовался ее смерти больше всех? Кто сейчас улыбается?

Вэй Цин замер, во взгляде мелькнула искра, веки опустились, и он снова отвернулся к траурному залу. Не произнеся ни слова, он лишь сжал ладони так сильно, что на них выступили синие вены.

С мрачным лицом Цао Сян шагнул вперед, почтительно воскурил благовония, с трудом сдерживая тяжелую думу: Лю Че, о Лю Че, кто бы мог подумать, что ты решишься на столь грязное злодеяние против слабой женщины, пожелав таким способом завладеть Вэй Цином безраздельно — просто отвратительно.

Ты слишком спешил и проявил излишнюю самонадеянность, разыграв столь глупую партию — поистине чудовищная глупость! Пусть даже Жуйюй действительно умерла от болезни, но ведь лекаря-то прислал ты! Теперь у тебя не найдется и сотни языков, чтобы смыть с себя вину!

Просидев в траурном зале всю ночь напролет, Вэй Цин не сомкнул глаз. Цао Сян неотлучно находился рядом, то и дело утешая его, словно пытаясь успокоить раненого зверя. Ему вдруг подумалось, как было бы здорово, если бы это мгновение продлилось подольше, а лучше — вечно; едва ли даже Лю Че доводилось видеть Вэй Цина в таком уязвимом, беспомощном состоянии.

Взошло солнце, минул полдень, когда во дворец к Вэй Цину примчался гонец с тревожной вестью: Хо Цюйбин уличен в попытке покушения на императора и взят под стражу!

Проведя бессонную ночь и до сих пор пребывая в помрачении рассудка, Вэй Цин содрогнулся от ужаса и принялся расспрашивать о подробностях. Цюйбин вырос во дворце, всегда был близок с Лю Че, порой позволяя себе даже излишнюю вольность в обращении, — с чего бы ему вдруг покушаться на жизнь государя?

Заметив рядом Цао Сяна, посланник замялся, но все же наклонился к самому уху Вэй Цина и прошептал несколько слов, от которых лицо Вэй Цина сделалось мертвенно-бледным. По этому изменившемуся лицу Цао Сян догадался о многом, но не смея до конца верить догадкам, спросил:

— Что в конце концов стряслось?

Разумеется, прямого ответа он не получил: побледнев, Вэй Цин извинился за упущение и поспешил во дворец.

Цао Сян провожал глазами его сгорбленную, одинокую фигуру, постепенно растворяющуюся вдали.

<http://bllate.org/book/21150/2144306>